

На правах рукописи

КОРКУНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

**КИМРСКИЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Специальность 10.01.01 — русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

ТВЕРЬ 2015

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет»

Научный руководитель	Александр Юрьевич Сорочан, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет»
Официальные оппоненты	Анатолий Вячеславович Кошелев, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет» им. Ярослава Мудрого Евгений Викторович Петренко, кандидат филологических наук, зав. отделом культуры газеты «Тверская жизнь»
Ведущая организация	ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»

Защита состоится 7 апреля 2015 г. на заседании диссертационного совета Д.212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: 170002, г. Тверь, пр-т Чайковского, 70.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 44а. и на сайте ТвГУ: <http://dissertations.tversu.ru/dashboard/councils/6/dissertations/57/edit>.

Отзывы можно отправлять по адресу: 170002, г. Тверь, пр-т. Чайковского, 70, Тверской государственной университет, филологический факультет.

Автореферат разослан

Учёный секретарь диссертационного совета:
доктор филологических наук, профессор

С.Ю. Николаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение локальных текстов в настоящее время вызывает значительный интерес. Многие литературоведы обращаются к исследованиям образа места, локальной словесности, провинциальной литературы. Очевидно, что «столичный» текст первоначально представляется более насыщенным, нежели текст «провинциальный». Однако со временем исследование, посвященные провинциальным текстам, приобретают все большее значение. Внимание филологов привлекает и тверской текст; первые шаги в его изучении уже сделаны¹. Следствием всеобщей текстуализации пространства становится устойчивый интерес к исследованию локусов, в том числе и тверских (свидетельством этому могут служить, например, бологовские экспедиции Санкт-Петербургских исследователей²). Настоящая работа является продолжением данной линии исследований и посвящена «кимрскому тексту».

Кимры — город в Тверской области с населением около 50 тысяч человек. Первое упоминание о нём датировано 1546 г. Благодаря относительной близости к Москве (130 км) и расположению на берегах рек Волга и Кимрка, село, а впоследствии город, неоднократно возникало в путевых заметках. Во многих произведениях упоминается и важнейший местный промысел — обувное производство.

Исследования локальных текстов актуальны сразу в нескольких аспектах. Когда внимание сосредоточено на регионах и их пограничных точках, изменяется восприятие литературного произведения (в связи с местными реалиями), уточняются неясные ранее детали: «Понимание локуса (города, территории, края) как *текста* <...> содержательно представляет принципиально новый, территориальный, аспект историко-литературного процесса»³. «Кимрский текст» важен не только потому, что локальные тексты — одна из актуальных проблем литературоведения. Разумеется, Кимры и «кимрский текст» в истории России и русской литературы периферийны. Это подтверждается уже тем, что совокупное количество текстов-источников сравнительно невелико. Однако Кимры, так или иначе, отразились в творчестве В.Н. Татищева, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, А.Н. Островского, Т. Готье, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.А. Гиляровского, С.П. Подъячева, И.Г. Эренбурга, А.Н. Толстого, М.М. Пришвина, Б.Н. Полевого, Ф.И. Панфёрова, А.А. Фадеева, В.А. Кострова, А.А. Вознесенского, О.Э. Мандельштама, Н.Я. Мандельштам, Ю.В. Трифонова, А.Н. Рыбакова, А.И. Солженицына, Б.А. Ахмадулиной, Ю.М. Полякова, Л.А. Аннинского, Н.П. Красновой и др., поэтому целесообразно изучать этот обширный и

¹ Например, в книге: Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. — 172 с.

² Ахметова М.В., Лурье М.Л. Материалы бологовских экспедиций 2004 года [Электронный ресурс] // <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>.

³ Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века: дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01. — Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2000. — С. 5.

разнородный материал. Обращение к региональному компоненту литературы приобретает особое значение в связи с процессом глобализации, следствием которого является вытеснение национальных культур в пользу популярных международных культурных явлений, что приводит к кризису национальной идентификации.

В исследовании рассматриваются и анализируются этапы создания образа места. Учитываются географические (Кимры расположены на берегах рек; своеобразно деление на районы и др.), индустриальные (в частности, развитие обувного промысла) и другие особенности жизни села/города, нашедшие отражение в текстах. На их основе делается попытка выстроить систему структурных и содержательных особенностей, формирующих локальный образ.

В ходе описания выделялись наиболее репрезентативные (сапожное дело, ярмарки, деревянный модерн и др.) сегменты образа места, интерпретированные в художественных произведениях; «кимрские» тексты рассмотрены с момента первого упоминания о Кимрах (XVI век) до настоящего времени.

Основные цели исследования — изучить «кимрский текст» как способ репрезентации территории (1), выделить характеризующие его отличительные черты (2), рассмотреть культурную и историческую жизнь локуса (3), отражённую в текстах. При изучении локальной биографии (периода, в который жизненный путь писателя пересекался с Кимрами) необходимо показать, как город связан с судьбами тех или иных писателей. В исследовании затронуты три аспекта этой темы: «изнутри» — биографии значимых писателей, большую часть жизни проведших в Кимрах, в нашем случае это М.А. Рыбаков и С.И. Петров; «извне» — биографии авторов, относительно недолгое время проживших в Кимрах: О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин; «со стороны» — биографии людей, связанных с Кимрами скорее корпусом мифов, чем корпусом текстов: А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина (4). Сочетая развёрнутые описания и биографические микросюжеты, мы можем внести существенные дополнения в методологию изучения локальных текстов.

На основании целей определяются задачи исследования — собрать (1) и описать (2) максимально возможный корпус текстов, посвящённых Кимрам, а также дополнить культурный контекст наиболее значимыми биографиями писателей, напрямую связанных с Кимрами (3); ввести в научный оборот новые, значительные (пусть и в региональном масштабе) имена (4). Так, в диссертации изучены жизнь и творчество С.И. Петрова, погибшего в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Степень разработанности проблемы. Образ места как литературно-исторический феномен впервые проявился в англоязычных исследованиях первой половины XX века⁴. Структура исследования следует модели, заданной в монографии А.Ю. Сорочана, посвященной «тверскому тексту»: сбор и описание источников (1), встраивание их в национально-культурную

⁴ Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 166.

среду (2), обобщение собранного материала одновременно с реконструированием образа (3) и поиск причинно-следственных связей в полученном образе (4)⁵.

В отечественной практике текстуализация пространства началась с выявления петербургского текста (в 1973 г.) В.Н. Топоровым. Итогом первых изысканий стал труд «Петербург и петербургский текст русской литературы» (1984). В последующие годы проблематика локального текста, в первую очередь, как *нового, неразработанного явления в науке*, стала достаточно популярна (этому посвящены исследования В.В. Абашева о пермском тексте; А.Ю. Сорочана о тексте тверском; труды А.П. Люсого о крымском и московских текстах и др.).

Наиболее релевантно для данной работы понятие **локального текста**, введенное в докторской диссертации В.В. Абашева. Исследователь полагает, что «<мы> выходим к тому, чтобы всё богатство и многообразие знаковых (текстовых) репрезентаций локуса объединить в рамках особого текстового единства, а именно локального текста⁶».

Применительно к кимрскому краю выделяются культурные константы; именно они определяют базовую структуру локального текста. Следом за А.Л. Жебраускасом мы употребляем слово «константа» в его «качественном значении — “самое значимое”, “системообразующее”, а не в буквальном — “непреходящее”, “неизменное”»⁷.

В исследовании акцентируются проявления гетеростереотипа (представления об иной общности; в нашем случае представления не кимрских авторов о Кимрах) и автостереотипа (представления о своём; в нашем случае представления кимрских авторов о Кимрах)⁸ в художественных произведениях. Гетеростереотип формируется раньше. И к моменту появления первых свидетельств кимряков стереотипное представление о крае уже сформировано.

Учитывая множество толкований и не устоявшийся понятийный аппарат, а также ориентацию предыдущих исследователей преимущественно на масштабные локусы (Петербург, Москва, Пермь, Крым и др.), в диссертации мы уточняем определение локального текста: **Локальный текст** — это совокупность гетеростереотипных и автостереотипных текстуальных воплощений локуса, имеющих не случайный характер, в которых проявляются культурные константы края (или личное его восприятие), воспроизводящие образ места.

В качестве **теоретической базы** использовались работы М.М. Бахтина, В.Н. Топорова, П. Нора, Б.М. Гаспарова, В.В. Абашева, Ю.М. Лотмана, А.Ю. Сорочана⁹ и др.

⁵ Там же.

⁶ Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. — Екатеринбург, 2000. — С. 17.

⁷ Жебраускас А.Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности // Известия Российского государственного педагогического ун-та. — 2006. № 20. — С. 19.

⁸ О продуктивности анализа гетеро- и автостереотипов в процессе исследования локального текста см.: Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 168, 169.

⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.; Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб.: Искусство-СПб, 2003. — 617 с.;

Методологической базой стали труды В.Н. Топорова, В.В. Абашева, А.Ю. Сорочана, а также теоретические работы, представленные в сборниках «Текст: семантика и структура» и «Русская провинция: миф — текст — реальность» (М.-СПб., 2000) и др. При этом учитывалась методика бытописателей и краеведов, работавших в кимрском крае с середины XIX века (Н.Г. Лебедева, А.С. Столярова); авторов, писавших в XX веке (А.З. Суханова, П.Н. Орешкина), а также современников (В.И. Коркунова, В.П. Покудина и др.).

В качестве основного метода выявления «кимрского текста» мы использовали историко-литературный (это связано с относительной неразработанностью — вследствие новизны темы — научно-методологического аппарата и принципов выявления локальных текстов). Помимо художественных текстов, в работе рассматриваются и локальные биографии. Это даёт возможность точнее понять и проанализировать произведения, написанные в Кимрах или связанные с этим местом.

Научная новизна. В исследовании впервые изучается и описывается «кимрский текст»; обстоятельно рассмотрен локальный текст малого провинциального города, бывшего села. Предлагается новое определение локального текста, что видится уместным в период формирования научно-методологических представлений о данной проблеме. Научно продуктивным нам представляется и анализ нового локального материала, связанного с кимрской культурой, литературой и историей.

Также в диссертации представлены новые материалы о жизни и творчестве Б.А. Ахмадулиной, М.М. Бахтина, О.Э. Мандельштама, С.И. Петрова, М.А. Рыбакова, А.А. Фадеева, внесены уточнения в творческие биографии названных авторов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных данных в выявлении и описании локального текста. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских и школьных курсах по литературному краеведению, истории литературы, в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных проблематике локального текста.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных знаний в области изучения и описания локального текста и

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. Ред. Т. В. Цивьян. — М.: НАУКА, 1983. — С. 227-284;

Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17-50;

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: «Новое литературное обозрение», 1996. — 352 с.;

Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. — Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2000. — 447 с.;

Абашев В.В. Пермь как текст. — Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.;

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 447 с.;

Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб., 2000. — 704 с.;

Кошелев В.А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» нового времени // Русская провинция: миф — текст — реальность / Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 37-55;

Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. — 172 с.

биографических материалов, а также в научном осмыслении «кимрского текста». Представленная диссертация — первое подобное исследование, сконцентрированное на малом локусе, что делает её теоретические и методологические построения существенными для последующих научных изысканий.

Объектом исследования становятся тексты (официальные документы, путевые заметки, художественные произведения, публицистические и автодокументальные свидетельства, исторические и краеведческие работы) XVI-XXI веков, связанные с Кимрами.

Предмет диссертационного исследования — локальный «кимрский текст».

Положения, выносимые на защиту.

1. «Кимрский текст» в русской литературе — постепенно формирующееся единство, для которого характерно взаимодействие автостереотипа и гетеростереотипа. На материале текстов, созданных в Кимрах и о Кимрах, мы можем выделить основные черты авто- и гетеростереотипов в локальном тексте.

2. Особенность «кимрского текста» — постепенное усиление базовых локальных констант, самых значимых, системообразующих элементов локуса (сапожный промысел, приближенность к столице, железнодорожный узел и др.). В литературе XIX-XXI веков мы можем обнаружить, как эти константы определяют формирование образов Кимр и кимряков.

3. «Кимрский текст» — яркий пример текста провинциального; ему свойственно противопоставление двух моделей: Кимры — центр мира и Кимры — окраина. В текстах местных авторов до 2000-х гг. Кимры представлены условным «центром»: «одно из лучших сёл» (Н.Г. Лебедев), «счастлива я только здесь» (О.В. Федотова); в текстах новейшего времени наметился мотив «окраинности»: Кимры как малый городок (Ю.Г. Максименко, Л.О. Старшинова, Л.И. Куляндрова). В гетеростереотипе «оппозиция» определяется исходными целями текста: путешественники видят в населённом пункте то «сильно развитое, богатое и представительное село» (Н.Н. Лендер) или «сапожный центр» (С.П. Подъячев), столицу деревянного модерна (М.Б. Бару); «периферия» чаще описывается при случайных посещениях села/города (Т. Готье).

4. Многие тексты содержат стереотипный образ провинциального города; принципы стереотипизации заимствуются из краеведческого дискурса. Особенно это характерно для литературы конца XX века. Взаимодействие литературы и краеведения на примере Кимр сводится к созданию ряда текстов, в которых условно представлены ключевые исторические события (самый репрезентативный пример: «Промышления о Кимрах» Б.А. Ахмадулиной) без фактических искажений.

5. Биографии авторов, связанных с кимрским краем, составляют очень важный элемент локального текста. Это касается как писателей, связанных с Кимрами условно (Фадеев родился в городе, Ахмадулина здесь не бывала),

так и авторов, составлявших «гордость кимрского края» (автостереотипы в данном случае проявляются и в конструировании биографии).

6. На основе анализа и сопоставления «кимрского текста» с иными типами провинциального текста представлено уточнённое определение: локальный текст — это совокупность «внешних» и «внутренних» текстуальных воплощений локуса, в которых фиксируются культурные константы региона.

Публикации. Основные научные результаты диссертации отражены в 13 публикациях, четыре из них — в изданиях, рецензируемых ВАК РФ, а также монографии.

Апробация. Основные положения и результаты работы обсуждались на I Научно-практической конференции «Современная русская литература: истоки, перспективы, параллели». Москва. 29 октября 2011 г.; I Международной научной конференции «Связь времён», посвященной 75-летию со дня рождения Б.А. Ахмадулиной. Москва. 28 мая 2012 г.; Международной научной конференции «Настоящее как сюжет». Тверь. 12 мая 2013 г.; открытой лекции в Останкинском институте телевидения и радиовещания. 20 ноября 2013 г.

Структура и объём работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 280 наименований. Диссертация содержит 240 страниц, 1 приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность работы, её научная новизна и практическая значимость, определяются методы, объект и предмет исследования, ставится цель и соответствующие ей конкретные задачи, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I «“Кимрский текст”: этапы формирования» посвящена основным этапам формирования «кимрского текста». Основная задача главы — описать и проанализировать максимально возможное количество источников — текстов, связанных с Кимрами, оценить, как в них воплощается образ места. Структурно глава делится на три раздела (в связи с историческими изменениями): «Дореволюционный период», «“Кимрский текст” в советское время (1917-1991)» и «Кимры в современной художественной литературе и публицистике», каждый из которых разбит на ряд параграфов, описывающих те или иные особенности определенной стадии формирования «кимрского текста».

Раздел **«Дореволюционный период»** открывается параграфом **«Первые упоминания о Кимрах»**. В нём детально описываются документы, в которых упоминались Кимры: грамота Ивана Грозного 1546 г. (она определяла Кимры в качестве торгового села) и грамота, содержащая упоминание о «кимрянах» — так до середины XIX века именовались жители Кимр. В диссертации предпринят анализ употребления слов «кимряне» и

«кимряки»); отмечаются использования формы «кимряне» в современных источниках.

В «Генеральном соображении по Тверской губернии, извлечённом из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 г.», впервые упоминается сапожный промысел — своеобразная «визитная карточка» Кимр. Текст свидетельствует об известности села как центра торговли, акцентируется внимание на развитии производства и ярмарок. В «Лексиконе Российском историческом, политическом и гражданском» В.Н. Татищева делается предположение о существовании Кимр в XI веке: «...сие место по гистории Руской хотя прежде исхода 12 ста по Христе не упоминается, однако ж видимо, что весьма древнее жилище, ибо в не дальнем от онаго разстоянии видно древнее городище»¹⁰. Однако, вероятнее всего, речь идёт именно о месте (возможно, известном благодаря гидрониму), а не о населённом пункте.

Художественного осмысления Кимр первые документы не предполагали, однако в них задаются исходные константы, связанные с кимрским краем.

В параграфе **«От торговых текстов к текстам литературным»** мы обращаемся (помимо бытописательных и эпистолярных свидетельств) к первым художественным произведениям, в которых упоминаются Кимры.

Кимры отразились в переписке князя Александра Николаевича (будущего Александра II) с Николаем I. В письме упоминается и церковь, построенная совершенно «по образцу московского Успенского собора»¹¹ — кимрский Покровский собор.

В этот период возникают очерки И.Т. Кокорева, в которых «кимряк» становится словом нарицательным, а также — определяющим профессию: «Как понадобились кучеру новые сапоги, так кимряк...»¹² Подтверждающим значение промысла («Я видел село Кимру: с первого разу заметны его довольство и богатство»¹³) становятся путевые заметки С.П. Шевырёва. О кимрских пожарах, от которых село практически полностью выгорало, но неизменно отстраивалось, писал С.А. Маслов в «Заметках во время поездки по Волге от Твери до Костромы». В его же книге встречается и упоминание о «халтуре» кимрских обувщиков. Прославившись на всю Россию своим мастерством, кустари начали производить обувь с картонными (бумажными) подошвами, о чем упоминалось во множестве текстов, например, «Москве и москвичах» В.А. Гиляровского (кроме этого произведения, в диссертации рассматривается его путеводитель «Волга», в котором о селе высказано во многом противоположное мнение).

Анализ данных произведений позволяет сделать вывод, что стержневая кимрская тема — сапожная. Синонимическая пара «Кимры» — «сапоги»

¹⁰ Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. Часть III. — СПб.: В Типографии Горного Училища, 1793. — С. 205.

¹¹ Леонтьев Я.В. Калязинская хрестоматия. — М., 2002. — С. 35.

¹² Очерки и рассказы И.Т. Кокорева. Часть II. — М.: В Университетской Типографии, 1858. — С. 74.

¹³ Шевырёв С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году. В двух частях. Часть вторая. — М.: В Университетской типографии, 1850. — С. 130.

находит отражение в текстах А.П. Чехова, С.В. Максимова, А.И. Забелина, П.Н. Полевого и др. В этом ряду можно назвать и М.А. Рыбакова, кимрского писателя, на первом этапе творческой биографии пользовавшегося псевдонимом Макар Сапожник. Как литературный герой Макар Сапожник появляется в истории Ю.Ф. Помозова «Случай с командировочным». К парадигме «Кимры — обувная столица» (название условно) относятся также слова Т. Готье: «Кимры известны своими сапогами, как Ронда — гетрами¹⁴». К этому времени всероссийская слава кимрских обувщиков — доказанный факт.

Появляются тексты, определяющие кимрскую микротопонимику. В частности, «Зарека» упоминается в дневнике А.Н. Островского. В понятийный аппарат диссертации вводятся микротопонимические части локуса: Зарека (Заречье, ранее — Вознесенская сторона), Савёлово, Троицкая сторона (исторический центр).

В произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» и «Современная идиллия» встречаются выявленные ранее в исследовании элементы кимрского локуса: развитая торговля, затухающий во второй половине XIX века сапожный промысел (по причине увеличивающихся объёмов производства некачественной обуви); отмечается профессиональная идентичность: «мы сапожники старинные, извечные...»¹⁵

В текстах Островского и Салтыкова-Щедрина зафиксирован ещё один кимрский промысел — рыбная ловля. Это не случайные упоминания. В «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам кимряки также показаны рыбаками, как и в произведениях А.С. Столярова, Г.Г. Москвича, М.Б. Бару, И.М. Михайлова, А.В. Полуботы и др.

О многолюдности и развитости Кимр пишет Н.Н. Лендер в книге «Волга», характеризуя село так: «Центр особого кустарного производства»¹⁶. В материалах к работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина мы находим подтверждения ряда сделанных нами выводов (о значимости промысла, развитии села и др.). В целом ряде текстов Кимры упомянуты, но либо повторялись уже известные сведения, либо эти сведения не были достаточно репрезентативными (П.П. Нейдгардт, Ф.М. Зеленев, В.М. Сидоров, А.П. Субботин, И.Ф. Тюменев, Г.П. Демьянов и др.)

Особое внимание уделено формированию в художественных текстах образа кимряка. Первые его характеристики: селянин, сапожник, исключительно владеющий искусством создания обуви; бедный/зажиточный; появляется образ горящего кимряка — при описании пожара (первое описание местного жителя, не сапожника-профессионала).

Определяются и анализируются культурные константы, связанные с кимрским краем, на примере текстов показано, как происходит создание образа места. К моменту появления автостереотипа гетеростереотип уже сформирован, что оказывает влияние на местное самосознание: в первых

¹⁴ Готье Т. Путешествие в Россию. — М.: Мысль, 1988. — С. 361, 362.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. — М.: Правда, 1984. — С. 294.

¹⁶ Лендер Н. Н. Волга. Очерки и картины. С картою Поволжья. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. — С. 4.

текстах, написанных кимряками, нередко не создавался, а копировался образ села/города, созданный в произведениях предшественников.

Параграф **«Зарождение литературы в Кимрах»** демонстрирует автостереотипное восприятие локуса. Первые «кимрские» произведения представляют собой документальные описания. Их авторы, священник Н.Г. Лебедев, купцы М.В. Малюгин и А.С. Столяров, всесторонне рассматривают аспекты жизни села и особенностей сапожного дела (о дурном качестве обуви местные авторы не пишут). Производство становится одним из мотивов произведения А.С. Столярова **«В царстве обуви»**, созданного в эпистолярной форме. Лебедев — основоположник представления о Кимрах как «центре мира», он называет их одним из лучших сёл губернии¹⁷. Расширяется представление о кимряке, основные детали описаний сосредоточены вокруг обувного производства.

Раздел **«“Кимрский текст” в советское время (1917-1991)»** открывается параграфом **«Довоенный период»**, в котором анализируются первые (художественно несостоятельные) стихотворения, созданные в Кимрах (1919-1920 гг.). Их авторы, зачастую скрывающиеся под псевдонимами: Приволжский (Е. Розенблум), Л. Меглицкий, Волгарь и Ласточка.

Произведения более высокого уровня публикуются в созданной в 1925 г. газете **«Кимрская жизнь»**. Их отличительной особенностью является появление иронических и сатирических интонаций (Женька Крючек); здесь публикуются фельетоны (Адах-ий), очерки о жизни сапожников (О. Асомский) и др. Художественного осмысления локуса у местных авторов в этот период практически не отмечается. Кимры упоминались в очерках и сатирических произведениях. Из всей совокупности текстов 1925-26 гг. созданию образа места в большей степени способствовали сатирические стихотворения Женьки Крючека. Поэт обращается к явлениям (критически их освещая), связанным с кимрским краем: сну пожарных во время пожара, длительным задержкам уборки урожая, использованию девушками косметики (что становилось объектом порицания) и т.п.

Новые свидетельства, помогающие реконструировать образ места, находятся в текстах авторов, не проживавших в Кимрах (так трансформируется гетеростереотип). Первое поэтическое описание города предпринято Я.З. Шведовым в стихотворении **«Кимры»**. Лирический герой Шведова демонстрирует своё понимание Кимр. Поэт обращает внимание на **«запах кож»** — показатель, выделяющий Кимры среди прочих маленьких городов. Известность и значительность села подчёркиваются и тем, что стихотворение называется **«Кимры»**, в то время как лирический герой находится на савёловской стороне. Стихотворение Шведова соотносится с **«савёловским циклом»** Мандельштама; сходным образом описан пейзаж (пыльная крапива, волжские откосы, неровные волжские берега) — это

¹⁷ Лебедев Н.Г. Статистико-этнографическое описание села Кимры. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — С. 47.

савёловские стихотворения; поэты запечатлевают местность с одной и той же «точки обзора».

Первое упоминание о железной дороге, связавшей Кимры с Москвой (а позже и с Ленинградом), возникает в книге С.П. Подъячева «Моя жизнь». Кимры обретают новое свойство: транзитный локус. Появление железнодорожных путей дало импульс к развитию села — больше гостей (в том числе литераторов) смогли посетить Кимры и Савёлово (например, И.Г. Эренбург, В.Г. Лидин и Ю.К. Балтрушайтис); в 1930-е гг. «неблагонадёжные граждане», не имевшие возможности жить в крупных городах, выбирали Кимры именно из-за наличия железнодорожного сообщения (О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин). В этот же период в Кимрах появились известные местные авторы: С.И. Петров и М.А. Рыбаков.

В параграфе обращается внимание на один из персонажей романа А.Н. Толстого «Пётр I» Домну Вахрамееву. Баба-кимрянка появляется в произведении неспроста; удобное по отношению к столице расположение села открывало широкие возможности для царской семьи и её приближённых — село неоднократно передавалось в дар, его жители нередко прислуживали знатым особам. Это первое появление в художественной литературе кимрянки — в предыдущих текстах кимряки фиксировались или обобщённо, или как мужчины-кустари (женщины до обувного производства не допускались).

«Сапожная тема» возникает в рассказах М.М. Пришвина и Б.Н. Полевого, названных «Башмаки» и «Сапоги» соответственно. Пришвин рассказывает о «волчках» или «урчунах», попадающих в «кимрское стадо»¹⁸ (это новые проявления образа кимряка), отмечается закрепившееся за обувными Кимрами название *Ост-Индия* (последнее подтверждается рассказом М.А. Рыбакова «Индия»; это название — одно из синонимов Кимр, утраченное в XX веке). Полевой, описывая кимрский рынок, обращает внимание на позитивные изменения, произошедшие в торговле в первые годы советской власти, подчёркивает преимущества кооперации.

Параграф «**Военное время**» показывает, что в этот период идентификация «Кимры — сапожная столица» утрачивает ключевое значение для края; Кимры — часть системы, работающей для фронта. Стихотворения о вторжении немецких оккупантов появляются в местной «Коллективной жизни» (А. Синёв, К. Воронов и др.); создаются фронтовые стихотворения С.И. Петрова.

Город подвергается бомбардировкам — в очерке В.И. Коркунова «Воздушные налёты на Кимры» они подробно описаны. В Кимрах появляется своеобразное выражение: «новогодний гостинец фюрера»¹⁹ (о бомбах, сброшенных 29 декабря 1941 г.). Автодокументальные свидетельства М.А. Гладилова и Т.И. Оленевой приводятся для лучшего понимания атмосферы военных Кимр. Вот некоторые её элементы: стёкла, заклеенные

¹⁸ Пришвин М.М. Башмаки. Исследование журналиста. — М.-Л.: Государственное издательство, 1925. — С. 77,78.

¹⁹ Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2008. — С. 239-241.

полосками бумаги, ящики с песком для бомб, светомаскировка, дежурства, детский труд и др.

Тексты П.П. Дудочкина из цикла «Кимрские зарисовки» находятся на стыке очерка и пропагандистского материала; некоторые из них намеренно натуралистичны (описания зверств фашистских захватчиков), другие риторичны; заслуживает внимания более поздний роман «Её судьба», действие которого происходит в предвоенное и военное время в Кимрах (это первое крупное произведение, сюжет которого связан с городом). На примере надомницы, персонажа одноимённой «Кимрской зарисовки», Дудочкин создал образ кимрячки (уже не кимрянки) военных лет. В «Её судьбе» образ получил дальнейшее развитие (кимрячка-сапожница).

В исследовании акцентируется внимание на незавершённой эвакуации оборудования фабрик и заводов. Здесь также необходимо обращение к мемуарным источникам — свидетельствам Д.С. Шелудякова и М. Маниной. В художественных произведениях эвакуация упомянута единожды — в романе «Её судьба» П.П. Дудочкина.

В диссертации рассматривается трилогия Ф.И. Панфёрова «Борьба за мир», в которой прототипом лётчика Михаила Кукушкина стал кимряк, Герой Советского Союза А.В. Кисляков. Показан образ скромного, самоотверженного человека, получившего страшные ожоги в воздушных боях, но психологически не сломленного. Далее мы обращаемся к творчеству писателя-мариниста, уроженца Кимрского района М.И. Божаткина; нами обнаружено его письмо, опубликованное в районной газете, в котором он приветствует земляков «из действующего флота»²⁰. Впоследствии Кимры неоднократно появятся в его романах, повестях и стихотворениях — в которых художественно воссоздаётся образ края. Кимрское наследие М.И. Божаткина — достаточно богатое и может служить объектом отдельного исследования; в диссертации приведены два его стихотворения, в одном из которых дан обобщённый образ Кимр — упоминаются «заводы» и «пашни»²¹, другое же посвящено малой родине — с ностальгией поэт вспоминает о «босоногом» и «голоштанном»²² детстве.

В исследовании приводятся воспоминания фронтовиков, Т.С. Лядского и М.А. Лямина, в которых Кимры — промежуточный, перевалочный пункт — представлены «хорошим городком» и «местом отдыха».

События 1945 года вызвали в Кимрах всплеск поэтической активности (А. Иванов, Е. Менкова и др.). Произведения, посвящённые Победе (и шире — Великой Отечественной войне) складываются жителями страны в некий глобальный свертхтекст — на основе сходных слов, эмоций, чувств. Это своего рода феномен эпохи.

В параграфе «От послевоенных лет к перестройке» представлены произведения, на основе которых в диссертации анализируется очередной этап формирования «кимрского текста». Приводится письмо А.А. Фадеева

²⁰ *Божаткин М.И.* Привет из Красной Армии // Коллективная жизнь. — 1943. 24 июня. — С. 2.

²¹ Там же.

²² *Коркунов В.И.* Страницы истории кимрского края. Книга вторая. — Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. — С. 322.

кимрякам, до 2012 г. (когда оно было передано автором исследования составителям антологии «Город Кимры в художественной литературе и публицистике»²³) не публиковавшееся за пределами Кимр.

Здесь же в контекст исследования вводятся произведения М.А. Рыбакова. Его романы — попытка создать трилогию, аналогичную трилогии А.М. Горького. С учетом рассмотренных ранее текстов становится очевидным, в какой форме жители Кимр осуществляют опыт самоидентификации. «Кимры — сапожная столица» — устойчивое выражение, поддерживаемое в городе и районе плакатами, металлическими знаками, изделиями мастеров прикладного искусства, работами писателей и др. Произведения Рыбакова это подтверждают — в его романах представлен кимряк-сапожник (и как кустарь-одиночка, и как работник коллективной мастерской; отдельная оппозиция: «купец — сапожник»), описана кимрская ярмарка (многонациональная, шумная, с обилием товаров и развлечений, балаганом), приведены пейзажные особенности места. Романы Рыбакова — одно из ключевых автостереотипных свидетельств, в которых по-новому, самостоятельно, формируется локальный образ.

Образ Кимр находит отражение и в стихотворениях. Чаще это связано с необычным фонетическим созвучием «к-мр» (А.А. Вознесенский), чем с реальным описанием Кимр или сюжетной репрезентацией локуса (В.А. Костров). Последовательно анализируются тексты «извне» (гетеростереотип) и «изнутри» (автостереотип). Выделяются характерные стихотворения И.М. Соловьёва, Г.К. Замкова, В.А. Палионис, И.П. Фролова, Н.И. Шареева. Особость представления Кимр в текстах авторов этого периода: обувное производство, «оканье» жителей, гордость промыслом, строительство многоквартирных домов и т.д. С целью развития образа Кимр стихотворения сопоставлены с текстами авторов последних лет: Ю.Г. Максименко, Л.О. Старшиновой, Л.И. Куляндровой (константа: «малый городок»), О.В. Федотовой («счастье именно здесь») и др. Выявляется наделение Кимр «сакральными» чертами (у Старшиновой, Федотовой, В.Ф. Токмакова, Ю.В. Карасёва, Фролова, Палионис). В текстах открываются новые (и подтверждаются известные) черты локуса: обелиск (Фролов, Куляндрова), Волга (Фролов, Максименко, Карасёв, Федотова, Старшинова, Куляндрова, Токмаков), театр (Фролов), Клетинский бор (Шареев), сапожное дело, торговля (Максименко), Заречье — Вознесенская церковь (Карасёв). Основные мифологемы края детально разработаны в текстах местных стихотворцев. Мы приходим к выводу, что тезис В.В. Абашева о восприятии локуса его жителями как центра мира применим к большинству локальных текстов.

Отголоском столичного или иного текста, помещённого в экзотические декорации, звучат мемуары Н.Я. Мандельштам. Савёлово, в качестве района Кимр, обнаруживается в дневниках Ю.В. Трифонова. Очевидна некая обособленность Савёлова от Кимр. Географически Савёлово по-прежнему

²³ Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — 152 с.

остаётся районом Кимр, но с литературной точки зрения это самостоятельная локация, подтверждением чему являются, например, «савёловский цикл» О.Э. Мандельштама, тексты В.А. Шарова, Г.А. Андреева и др.

Мемуары В.И. Белова открывают новые сведения о связи с Кимрами М.М. Пришвина и Ф.И. Панфёрова (подтверждение не случайности появления в их текстах кимрских мотивов). «Обувная парадигма» отражена в романе А.Н. Рыбакова «Тяжёлый песок»: «Ещё до революции многие сапожники у нас изготавливали обувь на продажу. <...> Конечно, наш город не Кимры, наша фабрика не “Скороход”, но изготавливает совсем неплохую продукцию...»²⁴

В «афганских» текстах (Б.Л. Бойко, А. Борисова, А.Г. Боровика, М.В. Семёновой, Ф.В. Разумовского и В. Иванова) также нашла отражение кимрская сапожная тема. Название «кимры» теперь относится не к городу, а к произведённым в городе кроссовкам. Афганские тексты — проявления гетеростереотипа по отношению к Кимрам; в них нет следов знакомства с локальными представлениями.

Заключительные раздел первой главы «Кимры в современной художественной литературе и публицистике» открывается параграфом «1990-е гг.». Стремительно растущая информатизация страны, появление множества литературных интернет-сайтов и одновременно уменьшение роли бумажных СМИ в информационном обмене, заставляют пересмотреть принципы отбора текстов. Нами отмечены наиболее репрезентативные свидетельства. Например, романы В.А. Шарова «Мне ли не пожалеть» и «Будьте как дети», время действия которых — первые годы/десятилетия советской власти. В первом развенчивается миф об обособленности Кимр — персонаж Шарова находит в Кимрах множество знакомых, в т.ч. ссыльных. Кимры представлены как незначительный населённый пункт, едва ли не село, что расходится с рядом дореволюционных свидетельств, называющих Кимру-село «городом». Переосмысление — симптом времени. Во втором романе упомянуто Савёлово — безотносительно к Кимрам; это исторически справедливо: населённый пункт на правом берегу Волги в 1933 г. — как следует из текста — именовался Савёловом.

Сообразными времени оказались заметки о Кимрах А.И. Солженицына, побывавшего здесь в 1996 г. Описывая настоящее Кимр, писатель делает экскурс в историю населённого пункта, вполне ожидаемо концентрируясь на обувном промысле. Примета временного периода: речь идёт о *былой* славе кимрских обувщиков.

«Помышление о Кимрах» Б.А. Ахмадулиной находится в авангарде нового гетеростереотипа Кимр: «Столицей сердца воссияли Кимры»²⁵. Тогда как самоидентификация кимряков смещается в сторону периферийности. Писатели и путешественники приезжают в Кимры за необычными впечатлениями (особый интерес в новейшее время вызывает «деревянный

²⁴ Рыбаков А.Н. Тяжёлый песок. — М.: Советский писатель, 1979. — С. 10.

²⁵ Ахмадулина Б.А. Влечёт меня старинный слог. — М.: Эксмо, 2007. — С. 467.

модерн»), жители города острее чувствуют оторванность от магистральных процессов, происходящих в стране.

Отношение к городу с пиететом отчётливо прослеживается в местных текстах 1990-х гг. (до появления в Кимрах Интернета): Н.М. Бархатовой, А.Р. Завьяловой, О.П. Ситновой и др. Поэма Ситновой «Кимры» — второе после Шведова поэтическое переложение истории Кимр, наполненное маркерами кимрского бытия.

Произведения 2000-х гг. (параграф «**Позднейшие упоминания Кимр (2000-2014 гг.)**») рассматриваются в сравнении гетеро- и автостереотипа, подтверждающих выявленную ранее закономерность. Авторы текстов «извне»: Л.А. Аннинский (у которого происходит соотнесение с Кимрами слов «кимрогимния», «кимрогения»), В.Ф. Кравченко (отмечающий обувной промысел, описывающий быт Кимр), М.Б. Бару (создающий миф о «столице деревянного модерна»), И.М. Михайлов (представляющий Кимры лубочным и сказочным местом), Б.О. Кутенков (связывающий Кимры с именами побывавших здесь писателей), Е. Яблонская (продолжающая тему деревянного модерна). Автостереотип представлен текстами Г.А. Андреева (в очерках которого ощутима ностальгия по прошлому), А.В. Полуботы (развивающего тему «деревянного модерна»), А. Рыбина (описывающего Кимры исключительно в мрачных тонах), С.В. Титова (лирический персонаж которого страдает от одиночества и воспринимает мир — преимущественно — в минорных тонах), В. Соловьёвой (концентрирующейся на ностальгии по прошлому), А.С. Рыжовой (продолжающей миф о Кимрах как «центре мира»).

В настоящее время в публицистических (преимущественно) и художественных текстах всё чаще обращаются к негативному явлению, связанному с Кимрами — наркомании; город в ряде СМИ приобрёл *новый* статус: «малой столицы наркомании». Очевидно, раскрытие этой темы в художественной литературе — дело будущего, единственное проявление на сегодняшний день (за исключением нескольких недостаточно убедительных стихотворений, созданных кимряками): рассказ А. Рыбина «Мой друг Владислав Кугельман»; его детальное рассмотрение позволяет констатировать появление нового образа «локального героя» — человека *без настоящего*.

Проделанный в главе анализ выявляет общее, связующее рассмотренные периоды и выделенные в них константы (Волга/Кимрка, духовный мир, Кимры как царское село, микротопонимическая градация). Однако наиболее репрезентативны мотивы сапожного промысла и ярмарок. В дореволюционном периоде основу кимрского бытия определяют кустари-одиночки и мастерские зажиточных кимряков; получают известность и кимрские ярмарки. В советское время кустарей-одиночек сменяют коллективные мастерские, позднее — фабрики; вместо ярмарок появляются базары. Наиболее симптоматичные современные тексты объединены четко прослеживающейся линией — ностальгией по прошлому.

В диссертации делается акцент на том, что Кимры отражаются в текстах писателей разного ряда, носителей разных взглядов: «извне» и «изнутри». «Кимрский текст» — также история края, но художественно осмысленная. Основные культурные константы Кимр нередко пересекаются с историческими. Литературный и краеведческий дискурсы в событийном плане близки — только по-разному преподносят события, осмысливают их. На основании анализа текстов составлена таблица (см. Приложение), отражающая основы понятийной структуры «кимрского текста».

Глава II «Локальная биография» посвящена изучению жизни и творчества (их локального компонента) ряда значимых для Кимр писателей. Структурно глава делится на пять разделов: «Сближение гетеро- и автостереотипов на примере “Помышления о Кимрах” Б.А. Ахмадулиной», «“Вдали от Кимр”: А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина», «“101-й километр”: О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин», «“Взгляд изнутри”: С.И. Петров и М.А. Рыбаков» и «Художественно-литературное пространство на пересечении гетеро- и автостереотипов».

Биографическая составляющая важна для более точного определения локального текста; также она позволяет преодолеть разрыв между краеведческим и литературным дискурсами. В нашем случае биографический компонент помогает в какой-то мере переосмыслить «кимрский текст». Многомерность ему придают факты и события из жизни писателей — то, что связывает тексты со временем и пространством, раскрывает условия их создания; вместе с этим подобные сведения помогают избежать ошибок при характеристике локуса, что вполне возможно при анализе *только* текстовой составляющей. Учитывая биографический контекст, мы сможем создать целостное описание литературной истории края — это позволяет точнее решить проблему, поставленную А.Ю. Сорочаном: «...как соотносятся изменения образа региона в литературе с региональными культурными процессами и каковы закономерности эволюции образа места»²⁶.

В первом разделе «Сближение гетеро- и автостереотипов на примере “Помышления о Кимрах” Б.А. Ахмадулиной» анализируется текст, в котором происходит максимальное сближение взглядов «извне» и «изнутри»; в нём мы концентрируемся исключительно на самом произведении, «кимрская биография» Б.А. Ахмадулиной исследуется ниже, в соответствующем параграфе. Факты, послужившие основой стихотворения, не лежат на поверхности; для их понимания и осмысления необходим исторический комментарий. Он осуществлен на основе выделенных в тексте Ахмадулиной констант: экскурс в историю села/города; посещения Кимр боярами, графами, князьями и государями; Савёловский машиностроительный завод; взрыв Покровского собора; погост при Скорбященской церкви; городской парк — место проведения массовых мероприятий. Сближение гетеро- и автостереотипов происходит оттого, что сведения о населённом пункте Ахмадулина, никогда не бывавшая в Кимрах, черпала из рассказов кимрячек, санитарок терапевтического отделения

²⁶ Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 165, 166.

Боткинской больницы, и краеведческой литературы. В нескольких строфах поэт создает абстрактный, отчасти схематичный образ Кимр.

В первом параграфе **«А.А. Фадеев: на малой родине»** второго раздела (««Вдали от Кимр»: А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина»), раскрываются кимрские эпизоды жизни писателя. Первым существенным дополнением к его биографии является запись метрической книги Покровского собора со сведениями о крещении писателя — она впервые вводится в научный оборот. Центральное место в параграфе занимают описания официального приезда Фадеева в Кимры и его неофициальных визитов в город. Первый состоялся в 1941 г. — незадолго до начала Великой Отечественной войны. В исследовании рассматриваются воспоминания очевидцев этого события: А. Никитина, П.П. Дудочкина, О. Смирновой, А.В. Огнёва. В послевоенные годы Фадеев несколько раз неофициально посещал Кимры. Известны два таких случая: приезд к В.С. Шеврыгину вместе с писателем Ф.И. Панфёровым, а также посещение, описанное Н. Бельведерским и А. Барабановым, встретивших Фадеева в Кимрах.

Единственным «кимрским» текстом Фадеева является его письмо кимрякам 1946 г. В нём отчуждённо и «официально» сообщалось о славе «замечательных мастеров кустарного производства обуви»²⁷, не померкшей и в советский период. Фадеев, который отождествляет себя с Кимрами более чем формально, имитирует принадлежность к малой родине (исключительно в тексте), оставаясь «центральным» автором, а не «периферийным».

В параграфе **«Б.А. Ахмадулина: с тоской по России»** описание строится в первую очередь на основе собранных автором диссертацией воспоминаний кимрских санитарок, работавших в терапевтическом отделении Боткинской больницы. Неслучайность появления образов города и санитарок в творчестве Ахмадулиной подтверждается не только текстами стихотворений — фрагментов из цикла «Глубокий обморок», «Памяти Симона Чиковани» и «Шесть дней небытия не суть нули...» — но и рядом высказываний поэта в журнале «Знамя».

Т.А. Быкова, ставшая главной героиней «кимрских» стихотворений Ахмадулиной, детально рассказала о больничном быте, характере поэта, полученных от неё подарках. Т.В. Коростелёва беседовала с поэтом об истории Кимр, привозила ей краеведческую литературу; она же вспоминает о просьбе Ахмадулиной ставить свечи перед иконой Иверской Божией Матери — Покровительницы Кимр. Санитарки отмечали душевность Ахмадулиной, любознательность, открытость — что отражалось и в «кимрских» стихотворениях поэта. «Кимрская» биография Ахмадулиной — это опыт фиксации образа города «со стороны».

В параграфе **«О.Э. Мандельштам: последние стихотворения»** рассматривается кимрский этап биографии поэта. Исправляется ошибка (присутствующая во всех биографиях Мандельштама): местом пребывания поэта в летние и осенние месяцы 1937 г. был не посёлок Савёлово, а Кимры.

²⁷ Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — С. 12.

В августе 1934 г. ВЦИК постановил присоединить к расположенному на левом берегу Волги городу несколько сопредельных деревень, в числе которых было и правобережное Савёлово. «Савёловский цикл» (выражение В.А. Швейцер) укладывается в «хронологическую и локальную циклизацию», используемые поэтом. Ощутимо единение «локальных» и «культурных» ассоциаций²⁸, отразившихся в текстах (например, описание пейзажных особенностей и содержания газеты «Правда» и др.). В диссертации устанавливается оппозиция «центр — периферия». Лубочность Савёлова («коньковые избы») противопоставлена образу столицы («А в Москве ты, чернобровая...»²⁹); провинциальность Кимр воплощена и в образе местного жителя — умалишённого косаря.

За полгода пребывания в Кимрах Мандельштам создал несколько стихотворений; нам известны три из них: «Пароходик с петухами», «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (найлены Э.Г. Герштейн) и «Стансы» (обнаружено В.А. Швейцер). Тексты «савёловского цикла» в основном посвящались Е.Е. Поповой — ей тогда был увлечен поэт. В различных источниках упоминались и другие стихотворения (они не найдены): «Черкешенка», «Канальское» и текст, в котором поэт осуждает смертную казнь. В рамках исследования мы концентрируем внимание на разночтениях в «савёловских» стихотворениях Мандельштама: исследователи обнаружили тексты, записанные не самим поэтом, а С.Б. Рудаковым и Е.Е. Поповой соответственно. В диссертации выявляются нюансы проявления образа Кимр: в первую очередь, это пейзажные особенности («Против друга — за грехи, за грехи —/ Берега стоят неровные...»; «Пароходик с петухами/ По небу плывет...» и др.). В «савёловском цикле» О.Э. Мандельштама можно найти и элементы описания «деревянного модерна» («За коньковых изб верхи...»). В параграфе рассматриваются психологические мотивы произведений — динамика переживаний и настроений лирического героя. Предлагается новое осмысление стихотворения «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» В частности, анализируется словосочетание «неровные берега»: здесь и метания лирического героя между женой и возлюбленной, и отклик на политическую обстановку в стране и др. Обращается внимание и на особенности ритмического построения стихотворения (амфимакр в первом и пятом стихах каждого пятистишья). Также в научный оборот вводятся воспоминания Ю.Г. Стогова, очевидца пребывания О.Э. Мандельштама в Кимрах, сообщившего новые сведения о кимрском периоде жизни поэта.

Следующий параграф посвящён М.М. Бахтину («**М.М. Бахтин: пятилетка “Рабле”**»), приехавшему в Кимры 26 октября 1937 г. 13 февраля 1938 г. М.М. Бахтину сделали страшную операцию — ампутировали ногу. Хирургическую «процедуру» проводил пожилой, но великолепный, по словам учёного, хирург. Речь шла и об ампутации второй ноги. На вопрос

²⁸ Фрейдлин Ю.Л. Долгая память столиц и провинций (заметки о «локальных циклах» и хронотопе О. Мандельштама) // Русская провинция: миф — текст — реальность. Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 259.

²⁹ Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...». — С. 506.

В.Д. Дувакина: «Вам предложили, чтобы спасти вторую, да?» Бахтин ответил: «Да. Нужно сказать, там хирург был великолепный, великолепный был хирург»³⁰. Хирургом, оперировавшим Бахтина, был В.П. Арсеньев, дальний потомок М.Ю. Лермонтова — этот вывод на основании анализа материалов 1930-х гг. сделан в диссертации.

До 1945 г. Бахтин работал учителем истории, немецкого языка и русской литературы — последнее официальными приказами не отмечено, зато присутствует в воспоминаниях учеников (некоторые подробности служебной деятельности Бахтина корректируются на основании архивных материалов). В беседе с Г.И. Мозжухиной удалось почерпнуть новые сведения о кимрском этапе жизни Бахтина, об особенностях его личности, в частности, о неуживчивости, повышенной требовательности на уроках и т.д.

В Кимрах Бахтин закончил труд «Франсуа Рабле в истории реализма», «Дополнения и изменения к “Рабле”», а также создал ряд текстов, большинство из которых являются черновыми либо подготовительными. Всего «кимрских» текстов М.М. Бахтина, включая труды о Рабле, — пятнадцать.

В параграфе, посвящённом С.И. Петрову («С.И. Петров: подвиг солдата»), мы обращаемся к жизни и творчеству поэта, погибшего в 1941 г. в немецких лагерях. Потретов Петрова практически не сохранилось. Единственное, доступное нам, описание приводится в «Дневниках писателя» П.П. Дудочкина: «Среднего роста, красавец, с густым тёмно-русый чубом на пробор, в расшитой васильками русской косоворотке, он запомнился мне очень жизнерадостным, когда на летней сцене городского сада с волнением читал: “Здравствуй, солнце, здравствуй, золотое,/ Дай мне руку светлую свою”»³¹. С.И. Петров родился в Калязине 6 июля 1914 г. В детские годы переехал в Кимры. «Первые его стихотворения относятся к школьному периоду, с выходом литературной странички начал печататься в нашей газете»³², — сказано в биографии Петрова в «Литературном сборнике» (1935). Из него мы узнаем, что в 1935 г. С.И. Петров, 21-летний юноша, был постоянным автором районной газеты «Коллективная жизнь», что он «самый активный член литкружка», а также — заведующий агро-музеем (sic!) при Доме крестьянина. Двумя годами спустя Петров — член бюро литературно-творческой группы в пединституте им. М.И. Калинина. В этот же период Петров женится на К.А. Орловой, через некоторое время у пары рождается сын Борис. В Кимрах Петров становится директором школы-девятилетки, откуда в 1939 г. призывается в армию. В предвоенный период активно занимается творчеством. Стихотворения Петрова публиковались в «Красноармейской правде» (наряду с «Василием Тёркиным» А.Т. Твардовского), газете «За Советскую Родину» и др.

Кимрская тема в лирике Петрова — периферийна; судя по письмам и воспоминаниям, он планировал статью поэтом *не* регионального масштаба.

³⁰ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. — М.: Прогресс, 1996. — С. 213.

³¹ Дудочкин П.П. «Здравствуй, солнце!» // За коммунистический труд. — 1984. 22 декабря. — С. 4.

³² Литературный сборник. — Кимры: Издание газеты «Коллективная жизнь», 1935. — С. 3.

Кимры вдохновили Петрова на поэтическое изображение природы, даже там, где непосредственно город не проявляется. Поэт находит яркие образы: «Поздний вечер веет у колодца,/ Месяц гнёт багряную дугу», «ты золотишь синевою/ свесистых клёнов ряд», «бледная лента зорь», «дымит роса в предутренних лучах» и т.п. Лишь в трёх стихотворениях нами обнаружены местные реалии. Первое — посвящение газете: «Поздравляю газету с ростом/ И горжусь боевой строкой./ Каждый день ты понятно и просто/ Разговариваешь со мной» (к десятилетию «Коллективной жизни»). Второе — содержит пейзажную особенность места: «...туманы/ Снова пройдут над Волгой». Третье — открывает ряд «военных» стихотворений Петрова: «Нёс ноябрь седеющую морось,/ Рассыпая листья серебром./ ...Всхлипывала девка у забора,/ Провожая милого на фронт./ Знала Маша: милый не вернётся,/ И катилась горькая слеза,/ Помнит, как у этого колодца/ Он ей долгожданное сказал./ Ну а после, с утренней зарёю,/ Потянулись к станции воза./ Удивлялся черномазый поезд/ И грустил по рекрутам вокзал». Придание человеческих черт вокзалу («грустил по рекрутам») соотносится с переданным ощущением скорой потери. Стихотворение в определённом смысле можно назвать пророческим: текст посвящён призывникам 1912 года рождения; спустя два года на фронт отправится и сам Петров — на черномазом поезде с «грустящего» вокзала. Эти детали — несомненно, кимрские (при всей нейтральности описания).

Заключительный биографический параграф посвящён М.А. Рыбакову («**М.А. Рыбаков: от славы до забвения**»). Писатель большую часть жизни прожил в Кимрах, одним из первых в Калининской области вступил в Союз писателей СССР, написал несколько пьес и романов. В его произведениях описывается жизнь кимрского края с царских времён (с момента рождения автора) до 1930-х гг. Писатель планировал рассказать о жизни провинции в годы Великой Отечественной войны и военных действиях на фронте — в романе «Беспокойное время». Однако закончить книгу не успел.

В диссертации детально рассматриваются этапы его жизненного пути, творческого становления, в частности, обращается внимание на судьбоносную встречу с А.М. Горьким, после которой Рыбаков отказывается от псевдонима Макар Сапожник и приступает к созданию своей — аналогичной горьковской — трилогии. Поскольку творческое наследие писателя объёмно (оно может служить объектом отдельного исследования), в работе представлены только некоторые его аспекты. Нами рассмотрены и добавлены в исследование отдельные эпизоды, в которых характеризуются Кимры.

Пример Рыбакова укладывается в рамки концепции, описанной В.А. Кошелевым в статье «О “литературной” провинции и литературной “провинциальности” нового времени»: «Провинциальная культура, в отличие от усадебной (в Кимрах её «представитель» — А.А. Голеницев-Кутузов. — В.К.), всегда строилась с неременной оглядкой на столицу — и, соответственно, располагала, прежде всего, критерием “соотнесённости” со

столичным уровнем...»³³ Последнее существенно. «Провинциальный» Рыбаков подражал «столичному» Горькому; романы Рыбакова, разумеется, не выдерживают сравнения с трилогией классика.

Главу завершает раздел «Художественно-литературное пространство на пересечении гетеро- и автостереотипов», в котором подчёркивается, что изучение локальных биографий (в совокупности с описанием и анализом текстов) существенно для литературного краеведения, поскольку выделение *только* локального текста или *только* локального компонента биографии будет ограничивать исследование рамками конкретного дискурса — краеведческого или литературного. На наш взгляд, в подобной работе необходимо пересечение дискурсов, как в локальном тексте — пересечение гетеростереотипа и автостереотипа.

В главе продемонстрировано несколько типов построения локальной биографии, каждый из которых может оказать влияние на формирование «кимрского текста». С.И. Петров и М.А. Рыбаков представляют автостереотип разного вида; Рыбаков подражает литературному канону, в текстах Петрова чувствуется большой — нераскрытый — потенциал. О.Э. Мандельштам (в его текстах представлен гетеростереотип) — столичный автор, оказавшийся в «экзотическом» месте. У М.М. Бахтина (гетеростереотип) отношение к Кимрам отражено в письмах и записках; научные труды, созданные в городе, к «кимрскому тексту» никакого отношения не имеют. Тексты Б.А. Ахмадулиной демонстрируют максимальное сближение гетеро- и автостереотипов. А.А. Фадеев, несмотря на то, что родился в Кимрах, носителем автостереотипа по сути не является; единственный его «кимрский» текст — письмо землякам.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. В диссертации происходит соотнесение образа места, воссозданного в произведениях, с биографическим компонентом. Это, на наш взгляд, наилучшим образом способствует точной идентификации локального текста в том случае, когда его признаки остаются нечетко обозначенными.

Основу «кимрского локального текста» в русской литературе составило художественное отражение торговой и производственной специфики Кимр (обувной промысел — своеобразный синоним города), а также создание психологических типов героев, связанных с промыслом. Остальные константы, выделенные в процессе описания «кимрских» текстов, отражены в таблице (Приложение): здесь представлены сами константы, а также слова и выражения, употребляемые для их обозначения в каждый временной период (дореволюционное время, советский период, новая Россия). В совокупности это позволяет реконструировать базовую структуру «кимрского текста».

³³ Кошелев В.А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» нового времени // Русская провинция: миф — текст — реальность. Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 50.

Указанные константы помогают одновременно увидеть общее (образ города) и различное (некоторые его черты) — мифы, фактические знания, автодокументальные свидетельства моделируют этот синтетический образ.

Даже беглое знакомство со словами и выражениями, моделирующими специфику Кимр, помогает представить, с чем связано развитие образа места. До проведённого исследования это было невозможно, поскольку разнородные тексты с многообразием свидетельств (в каждом из них могли проявиться разные культурные константы) не позволяли представить ситуацию в целом. Изучив таблицу, можно сделать однозначный вывод (что и доказано в диссертации): реальная история Кимр может быть прочитана и через художественные тексты.

В большинстве случаев произведения местных авторов позволяют определить соотношение провинции литературной и провинции географической (о чём говорится, например, в статье В.А. Кошелева³⁴), вследствие этого — их и вторичности, и «домашности»³⁵ — детальный литературоведческий анализ текстов местных сочинителей представляется непродуктивным. В совокупности они предстают как «своя семья» (живущие в своём пространстве и по своим, в том числе литературным, законам): «Этот феномен “пёстро́го” и внутренне противоречивого единения разных людей — деталь только русская и только провинциальная»³⁶. В работе анализируются только те произведения, которые необходимы для целей исследования.

В **Приложении** представлена таблица слов и выражений, связанных с ключевыми кимрскими константами (три раздела соответствуют эпохам дореволюционной, советской и новой России), приводятся фольклорные и диалектные особенности кимрского края, а также даются дополнительные материалы, посвящённые рифмам к слову «Кимры» и юбилейным датам, связанным с именем А.А. Фадеева.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК России:

1. Коркунов В.В. Зарождение литературы в Кимрах // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2013. Выпуск 4. — С. 221-225.
2. Коркунов В.В. Ещё раз о «Савёловском периоде» Осипа Мандельштама. К вопросу о разночтениях в стихах и сохранении памяти поэта в Кимрах // Вопросы литературы. — 2013. Ноябрь-декабрь. — С. 125-132.

³⁴ Там же. С. 37-55.

³⁵ Там же. С. 49.

³⁶ Там же. С. 47.

3. Коркунов В.В. Локальный текст как предмет исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. № 6/2. — С. 196-198.
4. Коркунов В.В. На пути к «кимрскому тексту»: теория и практика // Вопросы литературы. — 2014. Ноябрь-декабрь. — С. 325-344.

Другие издания

5. Коркунов В.В. «Пароходик с петухами» (О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах). Предисловие Б.А. Ахмадулиной // Знамя. — 2009. № 2. — С. 153-158.
6. Коркунов В.В. Стихи о больничной одинокости. «Глубокий обморок» Беллы Ахмадулиной // «Осиянное слово». — 2011. № 2. — С. 103-108.
7. Коркунов В.В. Памяти великого поэта (об Осипе Мандельштаме) // Ното Legens. — 2012. № 2-3. — С. 182-187.
8. Коркунов В.В. «Столица сердца» Беллы Ахмадулиной. Кимрский след в творчестве поэта. Комментарии // Знамя. — 2011. № 9. — С. 199-209.
9. Коркунов В.В. «Дачные каникулы» Михаила Бахтина // Зарубежные записки. — 2013. № 2. — С. 106-120.
10. Коркунов В.В. Образы санитарок в цикле Беллы Ахмадулиной «Глубокий обморок»: к вопросу о герое времени в художественной литературе // Настоящее как сюжет: материалы международной научной конференции. — Тверь: издательство М. Батасовой, 2013. — С. 246-249.
11. Коркунов В.В. Локальный текст: к вопросу объединения биографического и исторического контекстов // Дети Ра. — 2014. № 7. — С. 73-76.
12. Коркунов В.В. Временное пристанище. «Дачные каникулы» Осипа Мандельштама // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. — М.: РГГУ, 2015. — С. 281-308.
13. Коркунов В.В. А.А. Фадеев: осуждённый быть жестоким // Тверская старина. — 2015. № 35. [В печати.]

Монография

14. Коркунов В.В. Кимры в тексте. — М.: Академика, 2015. — 248 с.

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать . Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 418.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.